

УДК 159.9.016

РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ЧАСТЬ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУКИ¹

© 2019 г. С. Ю. Коровкин

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова;
150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Россия.
Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии.
E-mail: korovkin_su@list.ru*

Поступила 26.10.2018

Аннотация. Обсуждается роль российской психологии в контексте мировой науки. Представлена позиция, в соответствии с которой российская психология рассматривается как часть глобальной науки. Утверждается, что обладание национальной спецификой может быть в некоторой степени полезно в фактологическом, феноменологическом и теоретическом аспектах науки. В то время как национальная специфика науки в методическом и методологическом аспектах характеризуется рядом существенных сложностей для развития психологической науки. Основной тезис данной работы состоит в том, что возможная тенденция к изоляции российской психологии с целью сохранения самобытности в целом является вредной. При развитии российской психологии в рамках мировой научной методологии ее национальные особенности будут проявляться естественным образом.

Ключевые слова: российская психология, наука, парадигма, глобализация, региональная наука.

DOI: 10.31857/S020595920004063-5

Дискуссия о роли российской психологии в глобальной науке, которая развернулась на страницах “Психологического журнала”, ведется под разными углами зрения. В каждом из возможных подходов проблема уникальности российской психологии может иметь разное решение. Авторы [4], предложившие данную проблему для обсуждения, рассматривают психологию как некоторое единое явление, однако в современной психологии различные ее отрасли имеют свои особенности, которые по-разному влияют на необходимость и возможность глобальной интеграции и которые связаны со спецификой объекта исследования. Изучение российского общества, культуры и психологических особенностей граждан России может быть принципиально важно для таких дисциплин, как социальная, кросскультурная и дифференциальная психология, в то время как, например, общая психология и психофизиология направлены на изучение универсальных законов. Тем удивительнее тот факт, что российская дифференциальная психология с корреляционными исследованиями личностных особенностей и способностей в различных социальных группах гораздо более интегрирована

в мировую науку, чем, например, экспериментальные исследования. Например, это становится заметно при построении рейтинга цитируемости за рубежом современных российских ученых. Изучение социальной и личностной специфики вполне востребовано и включено в глобальный контекст психологической науки, и для этого не требуется создавать специальную российскую психологию с особым путем развития и правилами психологического исследования. Кроме того, когда мы говорим о наличии региональной специфики той или иной дисциплины или науки, имеет смысл отдавать себе отчет в том, какой из пластов науки мы затрагиваем: методологический, методический, феноменологический, фактологический или теоретический. В каждом отдельном случае ответ о необходимости региональной или национальной специфики может быть различен.

Методологический аспект. Одной из существенных причин того, почему российские ученые с трудом публикуются в серьезных зарубежных изданиях, является кризис доверия к результатам исследований, усилившийся после катастрофической для психологии оценки реплицируемости психологических исследований в ведущих мировых журналах [17]. Российские психологические эксперимен-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания 25.5666.2017/8.9.

ты зачастую изначально не заточены под конфирматорный дизайн с контролем всех существенных переменных и неоднократным повторением для получения устойчивых результатов, а потому проигрывают в общей конкуренции исследований, имея низкие шансы на репликацию. Воспроизводимость, контролируемость, доказуемость, логичность являются важнейшими универсальными ориентирами в науке, общими для всех дисциплин и наук. Любая наука строится на единых правилах аргументации и доказательства, которые образуют методологию, правила науки. Конечно, возможна некоторая дисциплинарная специфика аргументации в зависимости от объекта исследования. Однако на уровне методологии эксперимента региональная или национальная специфика, как правило, выходит за пределы науки — в философию или псевдонауку. На национальной почве возникают псевдонаучные курьезы типа мичуринской агробиологии Т.Д. Лысенко, теории “живого вещества” О.Б. Лепешинской или “Новой хронологии” А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, которые особенно характерны для гуманитарных наук последних 30 лет.

В российской психологии такой региональной крайностью в академической науке является методология постнеклассики. Как таковая идея В.С. Степина [10] о том, что экспериментатор и способ измерения, которым он пользуется, тоже являются частью эксперимента и влияют на результаты эксперимента, может быть полезна при осторожном к ней отношении. Однако из этого следует скорее то, что субъективная составляющая и способ измерения должны быть по возможности многократно проконтролированы для получения данных об объекте. Исследования, в которых не контролируется фактор влияния самого экспериментатора и его ожиданий на результаты исследования, жестко критикуются в современной психологической науке. Среди таких экспериментов наиболее шумевшими являются исследования “прайминга старости” [14] и Стэнфордский тюремный эксперимент (который, строго говоря, вообще не является экспериментом) [13]. Российские психологи, в свою очередь, избирают опасный путь интеграции ценностей экспериментатора в результаты исследования, зачастую просто прикрывая слабые места в собственных результатах. В итоге для одних постнеклассическая методология является значимой в российской психологической науке (см., напр., [8; 11]), а для других — признак слабо организованного исследования. Такое мнение более характерно для представителей молодого поколения российских психологов-экспериментаторов.

Таким образом, методология научного исследования должна носить универсальный, общенаучный характер. Выдвижение, проверка, верификация, фальсификация гипотез являются основными способами получения данных в научной психологии. Другие способы сбора и получения данных возможны, но в итоге они должны вновь приводить к постановке и проверке гипотез. Источником информации об объекте исследования также является универсальная информация, например поведенческие данные, самоотчеты или какие-либо психофизиологические показатели. В некоторых случаях какой-то тип информации может быть недоступен, например, при отсутствии внешней деятельности у парализованных испытуемых, или трудность оценки самоотчетов из-за нарушений речи, или высокая сложность регистрации физиологических показателей у движущегося человека и т.п. Вся эта специфика зависит от многих факторов, не сводимых к региональной или национальной составляющим.

Методический аспект. Однако даже в рамках единой теории возможна различная мода на те или иные методические приемы и дизайны исследований. Как правило, такая мода формируется под влиянием доступных примеров успешных работ, которые могут отличаться в зависимости от региона. Так, например, в области решения комплексных проблем можно выделять европейскую континентальную, в первую очередь немецкую, парадигму с использованием компьютерного моделирования сложной среды, и англо-американскую парадигму исследований с использованием “искусственных грамматик” сложных сред [18]. Или, например, в исследованиях рабочей памяти просматриваются европейская (экспериментальная) и северо-американская (дифференциально-психологическая) традиции исследований [16]. В российской психологии в целом достаточно сильна традиция корреляционных исследований, а экспериментальные исследования зачастую носят не доказательный, а иллюстративный характер. Несмотря на наличие такой спецификации, региональные традиции не имеют особых преимуществ перед нерегиональным разнообразием экспериментальных парадигм. Наоборот, превосходство в рамках страны какой-либо одной исследовательской парадигмы чревато социальным давлением на “отступников” в ситуации академической иммобильности в России.

Феноменологический и фактологический аспекты. Когда речь идет об общепсихологических закономерностях, то по умолчанию считается, что закономерности психики универсальны для всех людей,

независимо от культурного контекста. Влияние культурной специфики на когнитивные процессы обсуждается довольно давно, но до сих пор не привело к единому знаменателю о влиянии культурной среды на низкоуровневые процессы [12]. Высокоуровневые когнитивные процессы, вероятно, более подвержены культурным влияниям. Например, функциональная фиксированность в технологически обедненных культурах выражена менее сильно [15]. Если найти такую культуру, в которой нет практики рисования “из точки в точку” [9], то весьма вероятно, что классическая инсайтная задача “9 точек” перестанет быть трудной и инсайтной. В целом складывается впечатление, что культура, язык и культурные практики, несомненно, влияют не только на личностные и социальные характеристики человека, но и на его когнитивные процессы. Однако эти влияния не меняют коренным образом структуру когнитивных процессов, а задают те или иные настройки, которые выражаются в готовности воспринять, совершить или предположить что-либо с большей вероятностью, чем что-то другое. Важнейшим способом учета этих возможных особенностей является сбор максимально разнообразного материала и его обобщение, а не изучение потенциально бесконечного числа уникальных случаев.

Теоретический аспект. Разнообразие теоретических моделей при наличии общих методологических правил и общего набора методов исследования может быть весьма продуктивным, поскольку теории и являются основным предметом споров в науке. Однако польза региональной специфики весьма сомнительна, хотя бы в силу того, что страны и регионы — слишком крупные единицы для того, чтобы быть “носителями” отдельных теорий. Вряд ли можно говорить о наличии какой-либо одной особой психологической теории в России, что, впрочем, относится и к другим странам. Субъектами-носителями теорий, скорее, являются научные школы, которые в нашей стране чаще всего привязаны к определенным институтам, а в странах с более высокой академической мобильностью часто вообще не привязаны к географическому положению членов научной школы.

Ю.И. Александров и Н.Л. Александрова предлагают идею межнационального разделения этапов научного познания и возлагают функцию теоретизирования на российских ученых [1]. С одной стороны, действительно, англосаксонская традиция тяготеет к созданию некоторого общего теоретического базиса, в рамках которого удобно вести исследования, собирать новые данные, получать новые факты, что в целом соответствует характери-

стикам “нормальной науки” по Т. Куну [6]. С другой стороны, континентальная европейская традиция, к которой можно отнести и Россию, занимает более рефлексивную позицию относительно обсуждаемых теорий, но в меньшей степени уделяет внимание доказательству теоретических предположений. В предлагаемом разделении регионов на теоретические и экспериментальные есть существенная опасность — создать разрыв между теорией и экспериментом. Для англосаксонской традиции важно совершить научное открытие, т.е. обнаружить ранее неизвестный факт. Дальнейшая судьба этого факта в рамках теории имеет второстепенное значение, а поиски подобных открытий происходят часто не на основе хорошо продуманной теоретической модели, а на основе частных теоретических предположений, нередко носящих сенсационный характер. Для континентальной традиции более характерно обращение к теориям и моделям, причем считается, что чем более всеобъемлющими являются эти теории, тем лучше. В таком случае создаются теории и модели, которые не могут быть напрямую верифицированы (и уж тем более фальсифицированы) на материале конкретных экспериментов, а сами исследования носят скорее иллюстративный характер. В итоге возникает разрыв между моделями низкого уровня (объясняющими частные явления) и моделями высокого уровня (объясняющими психику в целом) в терминологии Р. Мертона [7].

Современная российская психология, несомненно, обладает своей спецификой, которая, в первую очередь, имеет сугубо социальную природу. Сложившиеся нормы и традиции публикационной активности существенно отличаются от принятых в мировой науке [5]. Кроме того, “кризис” в российской психологии связан с поиском отечественными психологами социальной идентичности [2]. Говорить об особом пути современной российской психологии следует с большой осторожностью. С одной стороны, как верно подмечено в работе А.Л. Журавлева, И.А. Мироненко и А.В. Юревича [4], изоляция носит односторонний характер (российские ученые выдают мало новых идей, но активно их заимствуют). С другой стороны, мы гораздо более изолированы друг от друга, чем от иностранных коллег, хотя бы просто из-за больших различий в собственных интересах. Кроме того, многие российские психологи изолируются и от смежных дисциплин, хотя междисциплинарное взаимодействие позволило бы по-новому увидеть собственные наработки (подробнее см.: [3]).

Таким образом, с одной стороны, степень интегрированности в мировую науку фактически явля-

ется важнейшим формальным показателем успешности ученого, с другой — интеграция для российской психологии в целом является также и возможностью повысить значимость научного содержания и уйти от “статусных игр” между учеными. Интеграция позволит создать самим себе более продуктивную среду для генерации новых идей в связи с приобретением большего количества как единомышленников, так и оппонентов. Уникальность идей и теорий в любом случае будет проявляться в силу естественно складывающегося социокультурного контекста, поэтому нет необходимости ставить специальную цель — развитие особой национальной психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Ю.И., Александрова Н.Л.* Комплементарность культуроспецифичных типов познания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2010. № 3. С. 18–35.
2. *Двойнин А.М.* Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 94–107.
3. *Головей Л.А., Журавлев А.Л., Тарабрина Н.В.* Б.Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
4. *Журавлев А.Л., Мироненко И.А., Юревич А.В.* Психологическая наука в глобальном мире: Вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
5. *Зуев К.Б.* Культура научных публикаций в России и западных странах на примере психологии // Инициативы XXI века. 2016. № 3–4. С. 57–60.
6. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
7. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
8. Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-центр, 2007.
9. *Спирidonov В.Ф., Лифанова С.С.* Инсайт и ментальные операторы, или можно ли пошагово решить инсайтную задачу // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 54–63.
10. *Степин В.С.* Научное сознание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 16–17.
11. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Введение // Теория и методология: постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007. С. 7–12.
12. *Ясницкий А.* Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!”. Заочная полемика между Лурией и Коффкой // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека “Дубна”. 2013. № 3. С. 1–25.
13. *Blum В.* The lifespan of a lie // Medium, June 7, 2018. Режим доступа: <https://medium.com/s/trustissues/the-lifespan-of-a-lie-d869212b1f62>
14. *Doyen S., Klein O., Pichon C.-L., Cleeremans A.* Behavioral Priming: It’s All in the Mind, but Whose Mind? // PLoS ONE. 2012. № 7 (1).
15. *German T.P., Barrett H.C.* Functional fixedness in a technologically sparse culture // Psychological Science. 2005. № 10. P. 1–5.
16. *Hambrick D.Z., Engle R.W.* The role of working memory in problem solving // The Psychology of Problem Solving. V. 6. Cambridge University Press, 2013. P. 176–205.
17. *Open Science Collaboration.* Estimating the reproducibility of psychological science // Science. 2015. V. 349. № 6251. P. 1–8.
18. *Quesada J., Kintsch W., Gomez E.* Complex problem-solving: A field in search of a definition? // Theoretical Issues in Ergonomics Science. 2005. V. 6. № 1. P. 5–33.

RUSSIAN PSYCHOLOGY AS A PART OF UNIVERSAL SCIENCE²

S. Yu. Korovkin

*Yaroslavl State University; 150003, Yaroslavl, Svyetskay st., 14, Russia.**PhD, Associate Professor, of Yaroslavl Demidov State University.**E-mail: korovkin_su@list.ru*

Received 26.10.2018

Abstract. This short paper considers the discussion about a role of Russian psychology within the context of the worldwide science. A viewpoint that Russian psychology is a part of the global science is proposed. Despite regional specifics of science could be useful for its factological, phenomenological, and theoretical aspects, indigenous national specifics of methodology and experimental techniques are fraught with danger for development of psychology. A main statement of this paper is that purposeful isolation of Russian psychology in order to preserve identity is harmful in general. The unique national features will manifest themselves naturally through development of psychology within the framework of the worldwide scientific methodology.

Keywords: Russian psychology, science, paradigm, globalization, regional science

REFERENCES

1. *Aleksandrov Yu.I., Aleksandrova N.L.* Komplementarnost' kul'turospecificichnyh tipov poznaniya. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya. 2010. № 3. P. 18–35. (In Russian)
2. *Dvojnin A.M.* Krizis v psihologii ili krizis identichnosti rossijskih psihologov? Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 6. P. 94–107. (In Russian)
3. *Golovej L.A., Zhuravlev A.L., Tarabrina N.V.* B.G. Anan'ev i mezhdisciplinarnye issledovaniya v psihologii (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya). Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 5. P. 108–117. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Mironenko I.A., Yurevich A.V.* Psihologicheskaya nauka v global'nom mire: Vyzovy i perspektivy. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 2. P. 58–71. (In Russian)
5. *Zuev K.B.* Kul'tura nauchnyh publikacij v Rossii i zapadnyh stranah na primere psihologii. Initsiativi XXI veka. 2016. № 3–4. P. 57–60. (In Russian)
6. *Kun T.* Struktura nauchnyh revolyucij. Moscow: AST, 2003. (In Russian)
7. *Merton R.* Social'naya teoriya i social'naya struktura. Moscow: AST, 2006. (In Russian)
8. Problemy sub'ektov v postneklassicheskoy nauke. Moscow: Kogito-centr, 2007. (In Russian)
9. *Spiridonov V.F., Lifanova S.S.* Insajt i mental'nye operatory, ili možhno li poshagovo reshit' insajtnuyu zadachu. Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki. 2013. V. 10. № 3. P. 54–63. (In Russian)
10. *Stepin B.C.* Nauchnoe soznanie i cennosti tekhnogennoj civilizacii. Voprosy filosofii. 1989. № 10. P. 16–17. (In Russian)
11. *Yurevich A.V., Zhuravlev A.L.* Vvedenie. Teoriya i metodologiya: postnekrassicheskaya perspektiva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2007. P. 7–12. (In Russian)
12. *Yasnitskij A.* Kurt Koffka: "U uzbekov EST' illyuzij!". Za-ochnaya polemika mezhdur Luriej i Koffkoj. Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna". 2013. № 3. P. 1–25. (In Russian)
13. *Blum B.* The lifespan of a lie. Medium, June 7, 2018. Rezhim dostupa: <https://medium.com/s/trustissues/the-lifespan-of-a-lie-d869212b1f62>
14. *Doyen S., Klein O., Pichon C.-L., Cleeremans A.* Behavioral Priming: It's All in the Mind, but Whose Mind? PLoS ONE. 2012. № 7 (1).
15. *German T.P., Barrett H.C.* Functional fixedness in a technologically sparse culture. Psychological Science. 2005. № 10. P. 1–5.
16. *Hambrick D.Z., Engle R.W.* The role of working memory in problem solving. The Psychology of Problem Solving. V. 6. Cambridge University Press, 2013. P. 176–205.
17. Open Science Collaboration. Estimating the reproducibility of psychological science. Science. 2015. V. 349. № 6251. P. 1–8.
18. *Quesada J., Kintsch W., Gomez E.* Complex problem-solving: A field in search of a definition? Theoretical Issues in Ergonomics Science. 2005. V. 6. № 1. P. 5–33.

²This study was performed as a part of the state assignment 25.5666.2017/8.9.